

ГЛАВА 3. МЕСТЬ

Цинь Уцзю проспал трое суток кряду, а придя в себя, еще месяц не покидал комнаты.

Дни становились всё холоднее, и слабое здоровье не позволяло ему сделать и шага за порог. Цзянь Мян, примерив ситуацию на себя, решил, что провести месяц взаперти — участь поистине прискорбная. Помня о том, что болезнь Младшего шишу обострилась именно из-за поездки за ним, юноша чувствовал уколы совести и ухаживал за ним с удвоенным рвением.

За это время Цзянь Мян кожей почувствовал, как они сблизилась. Хотя Цинь Уцзю почти всё время проводил в забытии, в те редкие часы, когда он бодрствовал, от прежней ледяной отчужденности не оставалось и следа.

Иногда Цзянь Мян ловил себя на мысли, что людские судьбы — вещь удивительная: еще недавно их общение было натянутым и сухим, а теперь в нём воцарилась непринужденность. Видимо, старая истина не врала: искренность порождает ответную искренность.

Организм Цинь Уцзю был истощен, а изнуряющая лихорадка, то и дело возвращавшаяся по ночам, лишала его всяких сил. О жирной пище не могло быть и речи. Как водится у тяжелобольных, аппетита не было совсем, и за обедом он съедал меньше, чем кошка.

Видя, что дело плохо, Цзянь Мян обошел все местные лавки, расспросил врачей и в итоге решил сам готовить для него тофу.

Юноша заметил: покупные блюда Младший шишу едва пробовал, а вот его собственному кулинарному творчеству отдавал предпочтение и съедал по крайней мере пару лишних кусочков. Сейчас самым важным было накормить больного хоть чем-то.

За месяц Цзянь Мян набил руку так, что мог делать из тофу настоящие шедевры: от простейшего супа с капустой и тушеного сыра до изысканной резьбы по соевому стустку. Он даже научился готовить нежнейший «доухуа», который подавал с обжигающим ароматным бульоном.

Результатами своих трудов Цзянь Мян был вполне доволен. Он даже подумал, что если когда-нибудь решит странствовать по миру, то не пропадет — мастерство приготовления тофу всегда поможет заработать на дорогу.

Хлопоты по хозяйству не заглушили его мечту о приключениях. В глубине души он всё еще грезил о жизни вольного затворника-скитальца.

Зима окончательно вступила в свои права. Снег валил хлопьями, грозя погresti под собой весь мир.

Цзянь Мянью сидел на корточках перед очагом, помешивая варево в аптекарском горшке. В голове его крутились мысли о сегодняшнем обеде: вчерашний сладкий доухуа явно пришелся Младшему шишу по вкусу, может, повторить? Или за несколько дней тофу ему уже приелся и стоит поискать что-нибудь другое?

Его раздумья прервал грубый, хриплый крик.

— Цинь Уцзю, выметайся и прими смерть! — донеслось из-за ворот.

— Мы знаем, что ты там! Хватит прятаться и изображать из себя черепаху в панцире!

— Выходи, подлец!

Брань становилась всё гнуснее. Недовольно нахмурившись, Цзянь Мянью вышел из кухни во двор. В комнате Цинь Уцзю царил тишина — вероятно, он спал.

Ругательства не умолкали. Не в силах больше терпеть, юноша решительно подошел к воротам и распахнул их.

Толпа крикунов, собравшаяся снаружи, поначалу дернулась в разные стороны, ожидая удара, но, увидев перед собой лишь хрупкого юношу, опешила и остановилась.

— Ты еще кто такой? — рявкнул один из них. — Где Цинь Уцзю? Зови его сюда!

Цзянь Мянью окинул незваных гостей взглядом. Перед ним стояли пять или шесть мужчин. Вид у них был потрепанный, одежда запылена — казалось, они преодолели долгий путь, чтобы добраться до Фэнчжоу.

В мире совершенствующихся нажить врагов — дело нехитрое. По свирепым лицам и жажде крови, исходившей от них, юноша сразу понял: пришли за долгами.

Он быстро оценил боевой потенциал противников. Рожи у них были довольно глуповатые, а манеры — плебейские. Больше всего они походили на бродячих практиков-недоучек, промышляющих грабежом в лесах. В открытом бою он должен был с ними справиться.

Чуть успокоившись, Цзянь Мянью спросил:

— А вы сами-то чьих будете?

— Слушай сюда, малявка. Цинь Уцзю лишил меня руки, и сегодня я пришел получить свое, — прохрипел верзила, стоявший во главе группы.

Он был одноглаз и однорук, а на плече держал тяжелый длинный палаш.

— Тебя это не касается. Если жить охота — проваливай!

С тех пор как Цзянь Мянй переродился, он только и делал, что усердно тренировался на горе. Перебравшись в Фэнчжоу, он тоже не давал себе поблажек, но ему еще ни разу не доводилось сражаться по-настоящему. Он не знал своего истинного уровня, и сейчас, столкнувшись с вооруженными практиками, не только не испугался, но и почувствовал азарт.

«Отлично, — подумал он. — На них и проверю, чего стоят мои полугодовые труды».

Павильон Чистого Ветра и Ясной Луны пребывал в упадке. Цзянь Мянй, будучи самым младшим учеником, еще не обрел свой натальный меч — при себе у него был лишь обычный клинок.

Вызывать духовный меч мысленным усилием он не умел, а возвращаться в дом за оружием сейчас было бы глупо: это разрушило бы всю атмосферу праведного гнева. Позиция была бы проиграна прежде боя.

Цзянь Мянй огляделся. Возле ворот пышно цвела слива-мейхуа. Он довольно улыбнулся, подошел к дереву и резким движением отломил яркую ветку.

Увидев это, здоровяки так и зашлись в издевательском хохоте.

— Мелюзга, ты что, серьезно собрался на нас с этим лезть? Ты хоть знаешь, кто такие Шесть чудовищ горы Юндан?

Они так и брызгали слесью. Цзянь Мянй остался невозмутим. Он честно покачал головой:

— Про таких не слыхал. Знаю только Семерых чудовищ из Цзяньнани.

Эта шутка стала последней каплей. Один из чудовищ, размахивая трезубцем, с воплем бросился на юношу.

Цзянь Мянй вскинул руку, и ветка сливы мгновенно налилась чистой духовной силой. Когда дерево столкнулось со сталью трезубца, оно не переломилось — напротив, мягкая, но властная мощь отбросила тяжелое оружие в сторону.

Нападавший, не ожидавший такого отпора, попятился и смог устоять на ногах лишь через несколько шагов.

Он судорожно вцепился в древко, скрипнув зубами. За спиной стояли братья и зеваки — опозориться перед таким юнцом было немисливо. Он побагровел от ярости.

Он снова ринулся в атаку, обрушив трезубец сверху вниз. Цзянь Мян не стал принимать удар на ветку — он легко скользнул в сторону. Острые вонзилось в землю едва ли не на три чи. Если бы такой удар пришелся по телу, от человека мокрого места бы не осталось.

Хоть у Цзянь Мян и не было боевого опыта, это столкновение позволило ему быстро нащупать свою тактику. Он принадлежал к тому редкому типу бойцов, что учатся прямо в пылу сражения, мгновенно латая дыры в своей защите и подстраиваясь под врага.

Его противник обладал лишь грубой силой, но совершенно не умел думать. Против гибкого и юркого Цзянь Мян он оказался совершенно беспомощен.

Одноглазый и однорукий босс начал терять терпение.

— Лао Сань, какого черта ты возишься с сопляком? Кончай с ним немедленно!

В душе Третьего уже шевелилось раскаяние: не стоило бросаться в бой, не разузнав, на что способен этот малец. После нескольких выпадов он понял, что проигрывает.

Цзянь Мян, сохраняя ледяное спокойствие, начал теснить врага. Цветущая ветка в его руке на фоне бледного лица выглядела почти изящно.

Третий же, едва удерживая трезубец под натиском гибкого прута, выглядел жалко. Его колено подогнулось, и он почти рухнул на землю. По лицу градом катился пот. Соленая капля попала в глаз, вызвав резкую боль, и в этот миг Лао Сань понял — он пропал.

Одноглазый тоже смекнул, что дело пахнет керосином. Он подал знак остальным, и они разом бросились вперед.

Цзянь Мян среагировал молниеносно: резким пинком он отправил Третьего в полет прямо на его подлетающих братьев.

Он уже приготовился к схватке со всеми сразу и прикинул план действий, но заметил, что те, поймав своего сотоварища, застыли на месте.

Их взгляды были устремлены куда-то ему за спину. В них читался неприкрытый страх. Цзянь Мян обернулся и увидел Цинь Уцзю. Тот неизвестно когда вышел из комнаты и теперь безмолвно стоял под навесом, созерцая происходящее.

«Шестерка мстителей» тут же сбилась в кучу, зашептавшись. Благодаря острому слуху Цзянь

Мянь слышал каждое их слово.

— Разве не говорили, что у этого Циня все меридианы уничтожены? Посмотри на него — ни капли страха. Неужто врал?

— Да быть не может! Весь мир гудит о том, что Цинь Уцзю теперь калека.

— Вот именно! Великие ордена подтвердили, так что это правда. — Одноглазый и однорукий босс украдкой глянул во двор, но, наткнувшись на Цинь Уцзю, в ужасе отпрянул. Он перешел на шепот: — Но кто его знает... Этот Цинь хитер как бес. Вдруг сам слухи распустил, чтобы нас выманить?

— Так что... валим?

— Раз уж пришли, надо ударить. А ну как правда калека? — В голосе однорукого вспыхнула жадность. — Тот, кто прикончит Цинь Уцзю, вмиг прославится. Его имя навеки впишут в историю бессмертных!

Искушение было слишком велико.

— Ладно, бьем! — решились они.

Вопрос был лишь в том, кто пойдет первым. После недолгого молчания все снова уставились на Третьего. Тот, только что получив на орехи от мальчишки, едва не сорвался на крик:

— Почему опять я?! А вы чего стоите? Вы же сами знаете: Цинь слов на ветер не бросает, если бьет — живых не оставляет. Вы меня на верную смерть толкаете!

— Да ладно тебе, босс же выжил.

Все взгляды обратились к однорукому. Тот смутился и пробормотал:

— Мне... мне просто повезло. Чистая случайность.

— Так мы деремся или нет?!

Цзянь Мянь и представить не мог, что Младшему шишу достаточно просто выйти на крыльцо, не проронив ни слова, чтобы эти громилы так перетрусил.

Видно, в прошлом Цинь Уцзю был фигурой воистину устрашающей.

Тот не спешил подходить ближе. Устало опершись о колонну, он скрестил руки на груди, лишь ледяным взглядом сканируя незваных гостей.

Для Цзянь Мянэ он был изнуренным болезнью красавцем, вызывающим лишь сочувствие, но для этих людей он выглядел зловещим выходцем из преисподней, самим Асурой.

Простояв так недолго, Цинь Уцзю оттолкнулся от колонны и медленно двинулся в их сторону. Шестеро «чудовищ», до того оравших во всё горло, теперь жались друг к другу и дружно пятились.

Это был первый раз за месяц, когда Цинь Уцзю вышел на открытый воздух. Его светлые одежды словно сливались с заснеженным двором.

Глядя на него, Цзянь Мянэ подумал, что эта сцена достойна кисти мастера. Жаль, сам он рисовать не умел — надо будет как-нибудь поучиться.

Когда он снова обернулся к воротам, от шумных мстителей не осталось и следа. На улице стояла лишь кучка ошеломленных зевак, не понимавших, куда делись грозные воины.

Цзянь Мянэ лишь вздохнул. С такой трусостью соваться за мезтью — позор, да и только.

<http://bllate.org/book/17489/1708348>